ЕЩЕ О «НАРОДНОМ ИЗДАНИИ»

СТАТЬЯ К. Чуковского «Народное издание» («Литературная газета» от 19.XII 1959 г.) не могла не привлечь внимания издательства и редакционной коллегии юбилейного двенадцатитомного собрания сочинений Чехова.

Автор статьи пишет, что вот уже десятки лет «общедоступные, массовые издания классиков» строятся у нас неправильно: воля писателей относительно состава собрания сочинений не во всем принимается во внимание. Пример — выпущенный Гослитиздатом в 1954—1957 гг. двенадцатитомник А. П. Чехова. К. Чуковский сожалеет о том, что составители не просто повторили авторизованное марксовское издание 1899—1901 гг., но и значительно дополнили его, вдобавок расположили произведения в хронологическом порядке, тем самым изменив «авторскую композицию». Не только Чехов, но и большинство крупных писателей имели при жизни свои собрания сочинений, в подготовке состава которых они чаще всего участвовали. Эти издания нам, по мнению К. Чуковского, и следует повторять, лишь добавляя к ним дополнительные тома с произведениями, почему-либо не включенными писателем в прижизненное издание.

Таким образом, творчество писателя как бы делится на две неравноценные части, причем важнейшая формируется самим писателем. Это означает, что наш взгляд на культурное наследие, наша оценка должны определяться лишь авторской самохарактеристикой. Но в таком случае логично руководствоваться при отборе произведений и высказываниями писателя о качестве своих романов, стихов или пьес. В сущности, прямые высказывания даже важнее: автор не просто молчаливо отвергает некоторые свои произведения, но и разъясняет, почему они ему кажутся неудачными. Если последовательно выдерживать позицию К. Чуковского, то, например, драматургию М. Горького следует помещать в дополнительные тома. Известно, что в 1933 году М. Горький опубликовал статью «О пьесах», где решительно заявил: «Я написал... около двадцати плохих пьес». А в основной корпус собрания сочинений Гоголя должны войти чуть ли не одни «Выбранные места из переписки с друзьями», а «Мертвые души» и «Ревизор» — в дополнительные тома. Состав стихотворений Пушкина придется определять четырехтомником 1829—1835 гг., который готовил сам поэт. И тогда в дополнительные тома отойдут и «Вольность», и «Для берегов отчизны дальней...», и «Осень», и многие другие истинные шедевры.

Конечно, учитывать волю автора мы обязаны. И это прежде всего относится к выбору текстов. Так, в собраниях сочинений все произведения должны даваться в последней авторской редакции; тексты предыдущих редакций, имеющих сколь-нибудь существенное значение в творческой истории, надо приводить в примечаниях. Необходимо указывать, какие произведения включались самим писате-

ПОЛЕМИКА

лем в прижизненное собрание сочинений.

Общие принципы формирования собраний сочинений имеют прямое отношение и к Чехову, но здесь возникает ряд дополнительных соображений.

Во-первых, на основании каких данных К. Чуковский полагает, что Чехов, готовя собрание сочинений для А. Ф. Маркса, перечитал свои ранние рассказы и на каждом отвергнутом сделал соответствующую помету? Насколько нам известно, дело обстояло несколько иначе. 25 февраля 1899 года Чехов писал издателю А. Ф. Марксу: «У меня не сохранилось точных дат; из рассказов, разбросанных во множестве газет и журналов, на пространстве почти двух десятков лет, многие мною уже забыты; забыты и названия рассказов, и мои подписи, и даже названия журналов...» Отыскивать рассказы писатель поручил третьим лицам. Где же гарантия, что тогда было выявлено все, написанное Чеховым? А если что-то не было найдено, то писатель просто не мог выразить своей воли о включении или невключении ряда произведений в собрание сочинений. И в самом деле, огромное количество ранних рассказов, не вошедших в издание А. Ф. Маркса, лишено каких-либо помет, — «Невидимые миру слезы», «На гвозде»... — да просто десятки!

Во-вторых, не приводя доказательств, К. Чуковский пишет: «Чехов не только отобрал и проредактировал свои ранние вещи, но и установил для них свой глубокий продуманный, определенный порядок...»

Однако из писем Чехова видно, что А. Ф. Маркс не всегда считался с авторской композицией и по своему усмотрению видоизменял составы томов. В письме к Ю. О. Гринбергу от 28 сентября 1899 года Чехов замечает, например, что присланная ему корректура II тома его удивила: сюда попало то, «что может войти только в самые последние томы». Он прилагает к письму свой список «для II тома». Однако в издании А. Ф. Маркса рассказы этого списка вошли и во II, и в III тома. Есть все основания предполагать, что композиция первых томов собрания сочинений явилась не только «творческим актом писателя», но и результатом произвола издателя.

В-третьих, писатель не оставлял мысли о более полном издании в будущем. «Есть свидетели, при которых Ант[он] Павл[ович]... сказал, что «со временем все его вещи должны увидеть свет и что ему их стыдиться нечего», — писал П. В. Быков М. П. Чеховой в 1910 году. Это совпадает и с требованиями читателей. Мы могли бы привести сотни писем — не только от «словесников, литературоведов, историков, критиков», но как раз от тех «массовых» читателей, к мнению и интересам которых апеллирует К. Чуковский, — все они просят издавать собрания сочинений с наиболь-

шей полнотой. Гослитиздат не получил за многие годы ни одного письма, где выражалось бы недовольство слишком «широким» составом и предлагалось бы сузить круг произведений в собраниях сочинений наших классиков и, в частности, Чехова.

К. Чуковский, к сожалению, крайне субъективен в идейно-художественной оценке ранних произведений А. П. Чехова. Ведь, следуя точке зрения Чуковского, пришлось бы открывать собрание сочинений писателя не знаменитым «Письмом к ученому соседу» (1880), а рассказами 1883 года. Все творчество Чехова первых трех лет оказалось бы в дополнительных томах. Таким образом, туда попали бы такие замечательные произведения молодого сатирика, как «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т. п.» (1880), такие рассказы последующих лет, как «Депутат, или Повесть о том, как у Дездемонова 25 рублей пропало» (1883), «Литературная табель о рангах», «Скука жизни» (1886), и многое, многое другое, не вошедшее в прижизненное собрание сочинений. Мы вовсе не хотим упрекнуть на этом основании К. Чуковского, одного из наших виднейших и талантливейших литераторов, в художественной и идейной нечужкости. Но субъективизм в подходе к произведениям великого писателя здесь очевиден.

Издание А. Ф. Маркса — хоть и авторизованное, но ни в коей мере не каноническое. Оно не может служить нерушимым эталоном на все будущие времена.

К. Чуковский, видимо, сам это почувствовал. Заявив, что для рассказов первых томов Чехов «установил... свой глубоко продуманный, определенный порядок», «что какие бы то ни было посторонние примеси к этому крепко сплоченному циклу наносят ему непоправимый ущерб», — автор статьи вдруг несколькими абзацами ниже начинает оспаривать «формальный подход» к авторской композиции и ратовать за «посторонние примеси». «Такая, например, повесть, как «Огни», которую Чехов исключил из своих книг по мотивам, давно уже утратившим свою актуальность, — пишет К. Чуковский, — должна быть непременно восстановлена в корпусе основного издания». Но если так или иначе рушится «единое целое» «авторской композиции», то почему же добавление еще пяти, десяти или большего количества хороших и превосходных, по мнению целой группы исследователей Чехова и огромной массы читателей, произведений именуется «произволом редактора»?

Если бы предложения К. Чуковского были осуществлены, это, несомненно, нанесло бы ущерб широкому читателю.

Н. АКОПОВА,
Г. ВЛАДЫКИН,
В. ЕРМИЛОВ,
З. ПАПЕРНЫЙ,
А. ПУЗИКОВ,
А. РЕВЯКИН